

**Корейская художественная литература XX–XXI вв.:
гендерный аспект**

*Учитель сказал: «Трудно иметь дело только с женщинами
и низкими людьми.*

Если с ними сближаешься, то они перестают слушаться.

*Если же от них удаляешься, то неизбежно испытываешь
с их стороны ненависть».*

Конфуций. «Беседы и суждения»

Теория гендера позволяет анализировать произведения художественной литературы, где наглядно и глубоко воплощаются мужской и женский взгляды на мир, а также осветить проблему женского творчества в процессе межкультурного диалога. Интересной в этом плане представляется современная женская проза стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония). В восточноазиатском обществе долгое время женщины не могли профессионально заниматься писательской деятельностью, хотя в истории развития литературы данного региона женщины на разных этапах играли далеко не второстепенную роль. В Японии женская проза Хэйанской эпохи является признанным шедевром мировой литературы (Мурасаки Сикибу, Сэй Сёнагон), но в период своего возникновения она считалась вторичной в сравнении с произведениями литераторов-мужчин. Ведущие позиции во всех сферах жизни общества занимал «благородный муж». Недоверие к женскому («темному») началу *инь* сформировало особое отношение в обществе к женщине и четко определило ее место в нем. При этом некоторые положения конфуцианской модели социума на долгое время закрепили за женщиной особый социальный статус.

Система общественных связей в конфуцианстве основана на понятии так называемых «пяти связей»: 1) *отношения государя и подданного*; 2) *отношения родителей и детей*; 3) *отношения мужа и жены*; 4) *отношения старшего и младшего*; 5) *отношения между друзьями*. В этой строгой системе социальных отношений каждому человеку отводится своя роль, а соответствие этим ролям является важным фактором поддержания стабильности в обще-

стве: *«Государь должен быть государем, сановник — сановником, отец — отцом, сын — сыном»* [3, с. 11]. Женщина в этой системе общества выполняла свою определенную функцию. «Муж — глава и должен распоряжаться; жена — существо подчиненное и должна выказывать ему повиновение. В отношениях своих супруги должны брать за образец небо и землю, которые своим взаимодействием производят и сохраняют все сущее. Взаимная нежность, доверие, честность, уважение должны быть основой супружеских отношений. Муж пусть дает наставления и распоряжения; жена пусть слушается и с готовностью исполняет все справедливое, благопристойное и честное. По общественному положению жена всем обязана мужу и даже по его смерти не становится сама себе госпожой: в детстве находясь под руководством родителей или, после их смерти, своих старших братьев, в замужестве управляемая мужем, женщина, сделавшись вдовой, поступает под опеку своего сына, который, сохраняя к ней полную любовь и почтение, защищает ее от грозящих опасностей» [1, с. 30]. Долг, почтительность перед мужем, его родителями, своим сыном строго регламентировали жизнь женщины, что приводило к ограничению ее деятельности только семейными обязанностями.

В XX в. процессы феминизации коснулись практически всех стран, в том числе и Восточной Азии. Однако многие черты традиционного уклада и образа жизни характерны и для современного восточноазиатского общества, что находит свое отражение в женской прозе. В этом регионе последние десятилетия появляется все больше женщин-писательниц, чье творчество является популярным и востребованным читателями во всем мире (Чжан Айлин, Те Нин, Вэй Хуэй, Ёко Тавада, Эми Ямада, Банана Ёсимото, Ын Хиген и др.). Появление женской прозы стало важным событием в восточноазиатской литературе, свидетельствующим о серьезных преобразованиях в обществе, в котором до сих пор сильны традиции, сформированные под влиянием конфуцианского учения.

В произведениях корейской писательницы Ын Хигён (1959 г.р.) рассматриваются проблемы общества, которые во многом связаны с традиционными взглядами корейцев: «Узнав о рождении девочки, а не мальчика, недовольная свекровь даже не стала обогревать комнату роженицы, несмотря на жестокие декабрьские морозы. Не думая о себе, Чонсун мучилась, словно ее тело режут на кусочки, от звука стучащих досен замерзающей малышки, кото-

рая еле шевелила пальчиками. Чонсун лежала, прижав к груди девочку, укутанную в ватное одеяло, прижималась к холодной щеке несчастного ребенка еще более холодным своим лицом и шептала: «Если уж говорить о страданиях с самого рождения, то, конечно, они достаются дочке». Так описывает тяжелое положение женщины, девочки, дочки в Корее Ын Хигён в своей дебютной повести «Дуэт». Рассказ построен на сравнении жизни представительниц двух поколений одной семьи — матери Чонсун и дочери Инхе. Действие в рассказе разворачивается на фоне печальных событий — тяжелой болезни отца Инхе. Горе сближает мать и дочь, дает им возможность раскрыть свои чувства, вспомнить осознать многие моменты из жизни их семьи: «Мысли о смерти отца, об одинокой жизни матери, мысли о тридцатипятилетней совместной жизни совершенно разных людей и мысли об их предстоящей разлуке. Какой страх должен испытывать человек, когда существо, ставшее родным и привычным, как своя рука или нога, однажды навсегда исчезает с Земли? Должно быть, чем дольше люди живут вместе, тем сильнее боль разлуки». Внутренний монолог Инхе помогает представить всю серьезность страданий и переживаний героини, оказавшейся в трудной жизненной ситуации (близкая смерть отца, развод с мужем). Углубляясь в анализ жизни своей семьи, девушка акцентирует внимание на тех особенностях ее устройства, которые не позволили, как ей кажется, быть ее родителям по-настоящему счастливыми. Она смотрит на постаревшую мать, видит ее «сгорбленную» спину и понимает, сколько страданий выпало на ее долю. И все тяготы жизни мать сносила смиренно и покорно: «Тогда все так жили», — печально говорит Чонсун.

Согласно обычаю, девушка после свадьбы переезжала в дом своего супруга, в котором должна была подчиняться не только мужу, но и его родителям: «Отношение её к родственникам мужа было ещё более регламентировано: так, в присутствие свекра она стояла, потупив глаза, и на все вопросы давала краткие ответы. Со свекровью отношения были не так натянуты, невестка не так стеснялась её и могла себе позволить вступить с ней в разговор. Во время еды невестка должна была с большой заботливостью ухаживать за родителями мужа» [2, с. 135]. «Свекровь скончалась, когда Инхе исполнилось три года... Но Чонсун даже после поминок не могла поверить в смерть свекрови. Иногда, сидя на корточках перед растапливаемой печкой и держа Инхе на коленях, она

неожиданно для самой себя опускала дочь на пол, словно слышала грубый окрик стоявшей в дверях свекрови: «Нечего сидеть тут в обнимку с никудышной девчонкой, шла бы лучше в огород и подкормила бы навозом капусту!»

Рождение девочки не считалось в восточноазиатском обществе радостным событием. «К появлению сыновей в Корее относились с особым трепетом. Это связано с тем, что в Корее существует патрилинейный счет родства, и главенство в семейном механизме передается первому мужскому потомку. Выдающийся востоковед академик Н. И. Конрад, побывавший в Корее в 1914 г., в своих записях очень категорично отмечает, что «ожидаемое рождение ребенка — безусловная радость, но радость лишь в том случае, если это дитя будет мальчик. Родись же дочь, радостное ожидание сменяется разочарованием» [4, с. 49]. Чонсун, испытывая такое унижение со стороны свекрови, своей дочери Инхе, которая уже растит дочь, говорит: «Разве судьба женщины настолько счастливая, чтобы хвалиться дочкой? И что значит «дочки достаточно»? Так нельзя. Неужели твой муж не хочет сына? Ты еще молодая, как же можно останавливаться на дочке? Надо сына родить». По ее мнению, женщина не может быть счастливой, не родив сына. В рассказе мы наблюдаем, как по-особенному бережно относится Чонсун к своему сыну Инхо: «Мать и дочь глубокой ночью под проливным дождем два часа подряд перетаскивали угольные брикеты, потом убирали в чулане, а Инхо даже носа своего не высунул из комнаты; то ли уроки делал, то ли спал. А отец ночевал где-то в другом месте».

По правилам общественного устройства мать не только должна заботиться о сыне, оберегать его, но и подчиняться ему, когда он вырастет. Такое отношение к сыну и мальчику восходит к очень важному типу отношений в восточноазиатской модели общества — отец-сын. «Каждый отец воплощается в сыне, а каждый сын, при соответствующем ходе событий, станет отцом. Сын — естественный продукт своих предков, и он автоматически становится прародителем собственных потомков, которым предстоит появиться на свет» [4, с. 34]. Но в рассказе подчеркивается, что отец все же любил Инхе, заботился о ней во время ее болезни, переживал и старался ей помочь осуществить ее мечты (учеба в Сеуле): «Дочь характером похожа на мать, а лицом похожа на отца, точнее, на свекровь. Старушка, жившая по соседству, как-то даже бросила

фразу: «Ребенок еще в утробе матери становится похожим на того, кто не будет его любить». Однако муж, кажется, любил Инхе как раз из-за сходства со своей матерью» [5]. У Инхе очень смешанные чувства по отношению к своему отцу, так как она видит в нем источник страданий, выпавших на долю матери. Чонсун считает, что, несмотря на все несчастья, дочь должна проявить почтительность и уважение к своему отцу, так как именно почтительное отношение к отцу (родителям) лежит в основе конфуцианской мировоззренческой концепции. Любовь и почтение к родителям — это требование естественного закона развития человеческого общества: «Почтительность к родителям и уважительность к старшим братьям — это основа человеколюбия» [3, с. 16].

Чонсун представлена в рассказе, как образцовая жена, мать, невестка. Персонаж, созданный Ын Хиген, полностью соответствует традиционным представлениям корейцев о семье и о роли женщины в ней. Муж является главой семьи, и по правилам жена должна относиться к нему не только с почтением и уважением, но и подчиняться его воле. Чонсун во всем подчиняется мужу и терпеливо сносит обиды и оскорбления — как с его стороны, так и со стороны его семьи. «Муж говорил, что и вкус у нее должен быть такой же, как у него, и просил принести ему густой острый суп из трески. «Мне то же самое, что и тебе», — соглашалась с мужем Чонсун, как правило, заказывая блюдо». Инхе вспоминает, что отец в молодости часто увлекался другими женщинами, заставляя мать страдать. В Корее на протяжении долгого периода времени мужчинам разрешалось иметь жену и наложниц (особенно, если жена не могла родить сына). Кроме того, мужчинам позволялось проводить время с *кисэн*, девушками, которые приглашались для развлечения мужчин (в их обязанности входили не только интимные услуги, но и пение, беседы, игра на музыкальных инструментах). В средневековой Корее *кисэн* были очень образованными (известны поэтессы *кисэн*), но совершенно бесправными женщинами. Инхе вспоминает, что в детстве «в гостиную разряженные *кисэн* благосклонно принимали обслуживание матери. А поведение отца, сидящего в окружении чужих женщин, его приказы матери принести то одно, то другое раздражали ее. Увидев, как мать прикусила губу и, выйдя на кухню, без надобности развязала и снова завязала бант на кофточке, а потом ткнула носом в этот бант, Инхе выскочила на улицу и спряталась за домом» [5]. «Супру-

жеская верность требовалась только от жены, которая, как бы ни была оскорблена и унижена поведением мужа, ни в коем случае не должна была ни ревновать, ни возмущаться» [2, с. 137].

Ын Хиген важно показать всю сложность жизни корейской женщины, которая, как Чонсун, целиком и полностью отдает себя семье и мужу: «Когда он, не имевший ничего, кроме опыта в строительном деле, решил открыть свою небольшую строительную фирму, она сумела занять денег у родственников. А когда он великодушно угощал в винном доме за свой счет чиновников, от которых зависел его бизнес, и кисэн их развлекали, Чонсун не могла уснуть всю ночь, думая, где взять денег на это увеселение. Как нагадала шаманка по руке, цифра девять была несчастливой для него. Может, действительно из-за этого, но в тридцать девять и в сорок девять лет, два раза, он был опозорен, не сумев оплатить счета. В это время муж вел себя так, будто жизнь его закончилась. Он запирался в комнате и пил водку прямо из бутылки. И только благодаря ей он приходил в себя» [5].

В рассказе маленькая Инхе показана практически «идеальным ребенком», она прилежно училась и во всем помогала своей матери: «Все время, пока Инхе росла, она не доставляла Чонсун неприятностей, ни разу не дала повода для разочарования. В школе она была примерной ученицей, дома рано начала выполнять все обязанности старшей дочери. Инхе была немногословной, поэтому иногда становилось неловко: неизвестно, о чем думает ребенок, а во всем остальном она была идеальной. Вокруг Чонсун немало матерей наблюдало, как подрастает такая замечательная девочка». Но ее твердый нрав и характер проявлялся уже тогда: «В детстве Инхе постоянно не ладила с Инхо, который был на два года младше... Поэтому когда дети ссорились, Чонсун время от времени хваталась за розги, и Инхо, роняя слезы размером с куриный помет, говорил, что больше не будет так делать, но Инхе, плотно сжав губы, не просила прощения, лишь кончик ее носа краснел» [5]. С возрастом Инхе еще больше проявляет решительность и непокорность: «У матери и дочери оказались разные взгляды только на брак. Инхе не согласилась ни на одну встречу с претендентами на ее руку, которые устраивали свахи, и, в конце концов, сама привела в дом молодого человека. Тогда она впервые заставила разочароваться Чонсун... Сейчас Ёнсе считается ее зятем, но при первой встрече он не произвел впечатления надежного челове-

ка... А отцу Инхе, наоборот, Ёнсе пришлось по душе как «веселый и симпатичный мужчина». Чонсун спросила у мужа, что за профессия у жениха — «copyrighter», и он ответил с удовлетворением: «Это такая работа, которую могут выполнять лишь такие умные и талантливые люди, как Ёнсе» [5]. Чонсун не одобряет выбор дочери, так как веселый и легкий нрав жениха Инхе, а также «странный» род занятий не вписываются в традиционное представление матери о достойном женихе для своей дочери. Инхе оказалась несчастлива в браке: «У них были разные взгляды на все, вплоть до незначительных дел, таких, как привычка завтракать, выбор программы по телевизору, и до весьма значительных, таких, как воспитание ребенка и денежная проблема. Они слишком были разные. Постепенно они перестали даже спрашивать мнение друг друга относительно вещей, неприятных для них. Ёнсе стал поступать, как считал нужным, не считаясь с женой. И потому, что чувственность преобладала в нем над принципиальностью, и потому, что изначально ему был присущ эгоизм» [5]. И когда муж стал ей изменять, она приняла смелое, но нелегкое решение о разводе. Развод считался позором для семьи, так как брак признавался священным союзом, восходящим к архаическим верованиям и обрядам. Развод в средневековой Корее был практически невозможен, но, если муж узнавал о неверности жены, то она, по приказу чиновника, к которому обращался оскорбленный супруг, подвергалась экзекуции или же могла быть отдана слугам для определенных нужд. «Если жена, приведённая в отчаяние поведением мужа, покидала дом, то по закону она могла быть возвращена обратно и публично подвергнута палочным ударам» [2, с. 137]. Известие Инхе о разводе шокирует ее семью. Причем особенно болезненно новость о разводе воспринимает Инхо, и он же больше всех обвиняет свою сестру в смерти отца. Ын Хиген на примере взаимоотношений брата и сестры показывает, что в корейской семье отец и сын играют главные роли. Инхо не просто осуждает свою сестру за ее легкомысленное поведение (история взаимоотношений Инхе и Хёнсока), за развод с мужем; брат наделен таким правом, это входит в его обязанности как главы семьи, которым он станет после ухода отца.

Героини рассказа Ын Хиген Чонсун и Инхе — представительницы разных поколений, однако их судьбы во многом оказываются очень похожими. Инхе — смелая и решительная, противостоящая

правилам, оказывается не менее несчастной, чем ее мать, покорно сносящая все удары судьбы, следующая традиционным нормам поведения. Она глубоко переживает за судьбу своей матери и понимает, что только мать всегда желала ей добра: «Да, как и прежде, только для матери я что-то еще значу. Отношения между родителями и ребенком совсем не такие, как между супругами. Муж и жена разойдутся — и дело с концом, но кровные узы — как ни старайся — не разорвешь. До каких пор я буду маминой дочкой, а значит, важным для нее существом? Когда будет тяжело, когда заболēju, до тех пор, пока смерть нас не разлучит». Думая так, Инхе чувствует теплоту, идущую из ее детства, когда она была только дочерью своей мамы. Ее младенчество, детство, отрочество, юность... Все это дорого ей до слез» [5]. Писательница подчеркивает схожесть характеров своих героинь, их твердость в решении многих вопросов и проблем. Чонсун мужественно переносит все трудности семейной жизни, ради сохранения брака она готова вытерпеть многое, так как является хранительницей традиции, разорвать с которой она оказывается не готова. Инхе ведет себя более смело и свободно, однако она тоже некоторое время жертвует собой, но во имя любви. Она работает и практически одна обеспечивает свою семью, но через некоторое время понимает, что: «Семья, брак... Ради сохранения этих понятий она каждый день опустошала себя. Вообще-то над этим пространством должна нависать крыша, состоящая из двух частей — мужа и жены, и тогда это пространство превращается в прочное строение. Но почему только она одна, страдающая от невзгод, разрываясь на части, должна бороться за сохранение этого пространства? Таким образом, созданная семья может стать лишь очередной ячейкой, зажатой моральными рамками. Как говорила мать, она вырастила дочь по своему подобию, и дочь тоже в свою очередь создает свое подобие. Но разве это покорное топтание на месте и есть женская доля?» [5]. По мнению Инхе, в семье муж и жена должны в равной мере нести ответственность за свои поступки, и они вместе должны отвечать за ее сохранение.

Таким образом, в рассказе «Дуэт» Ын Хиген обращается к проблемам отношений между мужчиной и женщиной и положению женщины в современном обществе. Писательница показала, что в Корее, несмотря на то что женщины обрели много прав и свобод, остаются сильны традиционные законы, правила поведения, принципы, на которых строятся взаимоотношения в семье. Ын

Хиген удается отразить и специфические национальные черты корейского социума, и универсальные проблемы жизни общества, в котором только любовь, доверие, помощь друг другу могут служить залогом существования настоящей семьи.

Литература

1. Все о Китае в 2 т. / гл. редактор Царева Г.И.— М. : 2001–2002.— Т. 2: 2002.
2. Ионова, Ю. В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее, середина XIX — нач. XX в. / Ю. В. Ионова.— М., 1982.
3. Конфуций, Изречения. Книга песен и гимнов : [пер. с кит.] / Конфуций.— М., 2006.
4. Самсонов, Д. А. Корейский этикет: опыт этнографического исследования [Электронный ресурс].— Режим доступа : <http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-038335-7/flip/index.html>.
5. Ын Хиген, Дуэт [Электронный ресурс].— Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/neva/2010/3/y9.html>.

П. Б. Котикова

Москва, Московский государственный университет

Образ японца в романе-путешествии И. А. Гончарова

Гончаров, будучи в кругосветном плавании (1852–1854) в качестве секретаря экспедиции, отправившейся в Японию, чтобы подписать договор о торговле и границах, наблюдал жизнь современного ему Запада и Востока. Наше же внимание будет сосредоточено на главах, относящихся к восточной части путешествия Гончарова, на описании японцев. О своей форме изложения Гончаров писал: «Голых фактов я сообщать не люблю, я стараюсь подбирать ключ к ним, а если не нахожу, то освещаю их светом своего воображения, может быть, фальшивого, и иду путем догадок там, где темно». По законам романной формы автор вводит в свое произведение образы японцев, их мир. Свое повествование Гончаров начинает с общей характеристики Японии, называя ее «тридесатым государством», «запертым ларцом с потерянным ключом», тем самым подчеркивая замкнутость, закрытость, изолированность этой страны от европейской цивилизации. Далее следует характеристика более категоричная: «Вот достигается, наконец, цель десятимесячного плаванья, трудов. Страна, в которую заглядывали до сих пор с тщетными